

Ооржак Аида Чайлаг-ооловна

НАИМЕНОВАНИЯ МЕШКОВ СО СЛОВОМ ХАП В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируются названия различных мешков со словом хап 'мешок' в составе изафетной конструкции, которые до сих пор не были объектом специального исследования в тувинском языке. Рассматриваемые примеры были отобраны автором из словарей тувинского языка или из текстов художественной литературы, а также зафиксированы во время диалектологических экспедиций в диалектах и говорах тувинского языка. В наименованиях мешков первым компонентом выступают имена существительные в форме неоформленного родительного падежа и уточняют предназначение мешка. Данный пласт лексики изучен в тувинском языке недостаточно и требует дальнейших исследований.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/8-2/36.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 8(62): в 2-х ч. Ч. 2. С. 124-128. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

СОДЕРЖИМОЕ – КОНТЕЙНЕР. Орган слухового восприятия представлен как некий контейнер, куда может проникать звук, и где он может *задерживаться*, хотя в физиологическом плане такое невозможно, ср.: *The suppressed sound of the gunfire was still in his ears* [5] / Отдаленный звук выстрелов всё еще стоял в ушах; *Half an hour later Bathsheba arrived home, with Troy's words of love still in her ears* [Ibidem] / Через полчаса Вирсавия вернулась домой, но все еще будто слышала признания Троя. Метафорическое осмысление органа слухового восприятия как контейнера, вмещающего в себя звуки, подтверждает высказывание *in at one ear and out at the other*, которое категоризирует ситуацию невнимательного слушания, игнорирования слов собеседника.

Таким образом, исследование метонимических и метафорических когнитивных моделей слухового восприятия является частью исследования механизмов мышления и образования концептуальной системы человеческого сознания.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Колесов И. Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков). Барнаул: БГПУ, 2008. 354 с.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М., 1996. 200 с.
4. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.
5. British National Corpus [Электронный ресурс]. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения: 01.06.2016).
6. Cambridge Advanced Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cambridge.org/ru/cambridgeenglish/catalog/dictionaries/cambridge-advanced-learners-dictionary-3rd-edition> (дата обращения: 15.06.2016).
7. Croft W. Cognitive Linguistics. N. Y.: Cambridge University Press, 2004. 356 p.
8. Grady J. Metaphor // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. N. Y.: Oxford University Press, 2007. P. 188-213.
9. Grahame K. The Wind in the Willows. СПб.: Антология; КАРО, 2006. 224 с.
10. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. 276 p.
11. Longman Dictionary of Contemporary English. Third Edition. Harlow, Essex: Longman Group Ltd., 1997. 1680 p.
12. Panther K. Metonymy // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. N. Y.: Oxford University Press, 2007. P. 236-263.

METONYMICAL AND METAPHORICAL REPRESENTATION OF THE AUDITORY PERCEPTION SITUATION IN THE MODERN ENGLISH LANGUAGE

Novoselova Margarita Valer'evna, Ph. D. in Philology
Eurasian Linguistic Institute (Branch) of Moscow State Linguistic University in Irkutsk
margo_2611@mail.ru

The article analyzes the means for conceptualization of the auditory perception situation in the modern English language, in particular, its metonymical and metaphorical representation. Metaphor and metonymy are considered as one of the means to represent the knowledge on the world in the linguistic form. The special attention is paid to the linguistic conceptualization of the processes of focusing, directing, distributing attention in the auditory perception situations.

Key words and phrases: auditory perception situation; active perception; passive perception; representation; metonymical model; metaphorical model.

УДК 81-26

В статье анализируются названия различных мешков со словом хал 'мешок' в составе изафетной конструкции, которые до сих пор не были объектом специального исследования в тувинском языке. Рассматриваемые примеры были отобраны автором из словарей тувинского языка или из текстов художественной литературы, а также зафиксированы во время диалектологических экспедиций в диалектах и говорах тувинского языка. В наименованиях мешков первым компонентом выступают имена существительные в форме неоформленного родительного падежа и уточняют предназначение мешка. Данный пласт лексики изучен в тувинском языке недостаточно и требует дальнейших исследований.

Ключевые слова и фразы: лексема; устойчивое словосочетание; изафет; тувинский язык; названия мешков; семантика; диалект; общетюркский; заимствования; монголизм.

Ооржак Аида Чайлаг-ооловна
Тувинский государственный университет
oorzhak.aa@yandex.ru

НАИМЕНОВАНИЯ МЕШКОВ СО СЛОВОМ ХАЛ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В хозяйстве и повседневной жизни тувинцев различные «мягкие емкости» не потеряли своего назначения – это мешки, мешочки, футляры, чехлы, кисеты. У каждого из них свое предназначение и функция. В настоящее время с развитием уровня жизни и заменой «мягких ёмкостей» более удобными, современными формами,

некоторые из них выходят из обихода, и в связи с этим названия некоторых мешков переходят в разряд архаичной лексики или сохраняются в качестве лексических диалектизмов.

Основная цель данной работы – анализ названий мешков, состоящих из изафетных конструкций со словом *хан* ‘мешок’. Данная лексико-семантическая группа слов не была ещё объектом исследования в тувиноведении, хотя отдельные слова и устойчивые сочетания слов лишь зафиксированы, однако не полностью изучены в лингвистических [9; 11; 12; 19] и историко-этнографических работах [2; 4; 6; 7; 8, с. 24-35; 10; 13].

Лексический материал работы отобран из словарей тувинского языка, из текстов художественной литературы, а также собран автором во время диалектологических экспедиций (2012-2015 гг.).

Мешки в зависимости от предназначения изготавливались из разных материалов – простые грубые или шёлковые ткани, выделанные шкуры мелкого рогатого скота или диких животных, войлок, даже конские волосы. В тувинском языке наиболее общим названием мешков, предназначенных для хранения сухих пищевых продуктов, вещей и разных предметов является слово *хан*.

Хан [хан] ‘мешок’, ‘футляр, чехол’, ‘коробка, пачка’, *уст.* ‘мешок с гостинцем, гостинец’ [28, с. 468]. Общeturкское слово *хан* зафиксировано ещё в древнетюркских памятниках в форме *qar* со значениями ‘сосуд’, ‘мех’, ‘бурдюк’ и ‘мешок’ [5, с. 420; 31, с. 266].

Лексема *хан* ‘мешок’ входит в состав многих названий мешков, образованных устойчивыми словосочетаниями. И данные наименования мотивированы предназначением мешков, поэтому в основном состоят из сочетания, определяемого с постпозитивным определением, т.е. изафета [1, с. 167]. В изафетных конструкциях общeturкское слово *хан* выступает вторым компонентом и используется в посессивной форме, а в качестве первого используются имена существительные в форме неформленного родительного падежа и уточняют предназначение мешка. Наименования мешков со словом *хан* мы попытались разделить на следующие подгруппы по предназначению.

1. Названия мешков, предназначенных для хранения пищевых продуктов.

Дус хавы [тус хавы] букв. ‘мешок для соли’ – мешочек ромбической формы, сшитый из выделанной мягкой кожи мелкого рогатого скота или из кожзаменителя, предназначенный для хранения соли. Лицевую часть мешков для соли и чая украшают разноцветными орнаментами и узорами. В словарях тувинского языка изафет *дус хавы* не отмечен. В современном тувинском языке устойчивое словосочетание *дус хавы* ‘мешок для соли’ является общеупотребительным. Как сказано в тувинской поговорке «Без соли – вкуса нет. Без желания – силы нет», тувинцы не пьют чай без соли. По народным традициям тувинцев, к необходимым предметам невесты при замужестве относятся парные мешки для чая и соли.

В изафете *дус хавы* название пищевого продукта выступает первым компонентом: *дус* ‘соль // соляной’ [24, с. 277; 26, с. 518; 28, с. 185]. Общeturкское слово зафиксировано в вариантах *ду:з ~ дуз ~ дус ~ туз ~ тус* с семантикой ‘соль; хлеб-соль; вкус, пища’ [20, с. 228]. Семантический анализ тюркского *дуз* в составе устойчивых сочетаний и сложных слов показывает, что с ним представлены понятия ‘кормление; пища, еда’, например, турк. *дузбер* ‘накормить’, *дуз-тагам* ‘пища, еда; хлеб-соль’, ног. *туздам, туздам* ‘пища, еда, хлеб-соль’ [24, с. 278]. Конкретной этимологии данное слово не имеет. Относительно к общeturкскому слову *дуз* мнения ученых-лингвистов разделились: по Г. Дёрферу, др.-тюрк. *тузуи* в значении ‘подношение еды, припасов в дорогу близким или родственникам’ [5, с. 594] образовано от *туз* ‘соль’ с помощью аффикса *-ду*. Как считает Б. И. Татаринцев, указанная глагольная основа скорее всего имела *p*-вариант: ср. др.-тюрк. *turul* ‘пресыщаться пищей’ [5, с. 588; 24, с. 278]. Свое предположение высказал А. А. Старостин о том, что эвенк. *turukä* ‘соль’, *turu* – ‘солить’, возможно, являются старыми тюркизмами (по данным: [22, с. 119]).

Шай хавы [шай хавы] букв. ‘чай мешок’ – мешочек для хранения плиточного чая, сшитый из мягкой выделанной кожи или ткани, передняя часть мешка украшена с различными национальными орнаментами. В словарях тувинского языка изафет *шай хавы* ‘мешок для чая (плиточного)’ не указан, но, тем не менее, данный пример широко употребляется в разговорной речи тувинцев.

Первый компонент устойчивого словосочетания *шай* ‘чай // чайный’ [28, с. 564] встречается не только в тувинском языке, но и других тюркских языках, например, в хакасском *чай* ‘чай’ [29, с. 307], в тофаларском *шей* (шэй) ‘чай’ [14, с. 129]. Данная лексема заимствована из китайского языка посредством монгольского [3, с. 246]. В монгольском языке *шай* используется в форме *цай* ‘чай’, *аагтай цай* ‘крепкий чай’.

2. Названия мешков, предназначенных для хранения трав.

Артыш хавы [артыш хавы] букв. ‘можжевельника мешок’ – мешочек для хранения можжевельника, обычно шьют из ткани. Наименование *артыш хавы* не зафиксировано в словарях тувинского языка. В былые времена тувинцы *артыш* сушеные ветки можжевельника хранили в специальных кожаных мешочках [7, с. 132]. Само растение – можжевельник – является неотъемлемым атрибутом в традициях тувинского народа: в народных праздниках, например, в *Шагаа* (Новый год по лунному календарю) тувинцы совершают обряд *саң салыр*. В уникальной книге «Традиционная культура тувинцев» выдающегося этнографа М. Б. Кенин-Лопсана указано, что тувинцы с незапамятных времен *артыш* ‘можжевельник’ использовали для совершения священных обрядов и в качестве лекарственного средства [6, с. 75]. Как благовоние, *артыш* имеет довольно приятный запах.

В настоящее время тувинцы хранят веточки можжевельника в специальных тканевых мешочках или в полиэтиленовых пакетиках.

Первый компонент *артыш* ‘можжевельник туркестанский’ [26, с. 163; 28, с. 71] является общeturкским словом *ардыч* с основной семантикой ‘можжевельник’ [23, с. 141] и зафиксировано ещё М. Кашгарским со значением ‘можжевельник’ [21, с. 57]. Как показывают материалы Этимологического словаря тюркских

языков, в тувинском *артыш* ‘можжевелник’ имеет варианты в других тюркских языках в формах: *артыш* (тат., башк., алт.) ~ *артыш* (к.бал. диал.) ~ *ардыч* (тур., ктат.) ~ *ардеч* (тур. диал.) ~ *урташ* (чув.) ~ *а(р)даш* (уйг.) ~ *ардыж* (азерб.) в значениях ‘можжевелник’; ‘ель, елка’ (аз. диал.) [Там же].

Существуют предположения Л. Д. Будагова о заимствовании *ардуч* ~ *артыш* из персидского языка и Г. Рамстедта о заимствовании приводимого слова из монгольского языка [Там же, с. 173, 182]. В свою очередь Э. В. Севортьян, *ардуч* ~ *ардыч* ~ *ардыш* ~ *ыртыш* считает допустимым сравнивать с персидскими *ārdāj* ~ *ardaj* ~ *ardaj* с семантикой ‘можжевелник’. По мнению К. Брокельмана, *artuš* в значении ‘средство для очищения’ образовался от глагола *арыт* – ‘очищать’ с помощью аффикса -ч. Согласно Г. Рамстедту, этимология *ардуч* объясняется по следующей схеме: ср. тюрк., тел., тат. *artyš* ‘можжевелник’; монг. *arča* ‘можжевелник’ < монг. *arčīca* < * *artiča* ‘чистка’; тюрк. *aryt-* ‘очищать, чистить’ [Там же, с. 173, 182].

Эм хавы [эм хавы] букв. ‘лекарства мешок’ – тканевый или мешочек для хранения лекарственных трав. Данное название не зафиксировано в словарях тувинского языка. Приводимое наименование *эм хавы* бытует в устной речи тувинского народа; широко употребляется в материалах этнографии, в текстах тувинского фольклора, например, в сказках, а также в тувинской художественной литературе XX века. Как написано в работе «Очерки народного быта тувинцев» А. П. Потапова, «...многие из корней, клубней и семян диких съедобных растений в незначительном количестве запасали на зиму и очень ценили такой запас» [13, с. 88]. В дореволюционное время, когда отсутствовала практика классической медицины в Туве, народ применял различные примеси лекарственных трав, которые хранились в специальных матерчатых мешочках, так и номинируемых – *эм хавы*.

Первый компонент *эм* в тувинском языке употребляется в значении ‘лекарство’ [28, с. 612]. Данное слово, на наш взгляд, является монголизмом, судя по материалам Большого академического монгольско-русского словаря под редакцией Г. Ц. Пюрбеева, в монгольском языке *эм* передает семантику ‘лекарство, медикаменты; снадобье; лекарственное средство’ [3, с. 409].

3. Названия мешков, предназначенных для хранения различных предметов.

Аяк хавы [айак хавы] букв. ‘пиалы мешок’ – специальный мешочек для хранения чашки, пиалы’ [26, с. 188]. В былые времена тувинцы-кочевники мелкую посуду, пиалы хранили в специальных мешочках, сшитых из войлока или из выделанной мягкой кожи, а иногда из плотной ткани. В приданое для невесты входили различные мешочки, в том числе *аяк хавы*. В современное время мешок *аяк хавы* вышел из повседневного обихода. Однако, наименование *аяк хавы* упомянуто в текстах тувинской художественной литературы, например, в повести «Ангыр-оолдуң тоожузу» («Повесть Ангыр-оола») С. А. Сарыг-оола [18].

К первому компоненту изафета, указывающему название посуды для хранения, относится общетюркское слово *аяк* [айак] ‘чашка, пиала’ [26, с. 187; 28, с. 80] – сосуд в форме чаши без ручки, может быть изготовлен из корня берёзы, тополя, лиственницы или из фарфора [11, с. 355].

Судя по данным Этимологического словаря тюркских языков, рассматриваемая лексема встречается во многих тюркских языках и отмечена в форме *айак* со значениями ‘чаша’, ‘миска’, ‘мера объема’ [21, с. 105]. Э. В. Севортьян предположил, что в якутском языке *а́ях*, может быть древнейшей формой вышеуказанного слова, где хакасское *айах* и тувинское *айак* также являются его формами [Там же].

Кажык хавы [кажык хавы] букв. ‘астрала (бабки) мешок’ – специальный мешочек, сшитый из выделанной мягкой кожи или из ткани, предназначенный для хранения игральных костей, астрагалов. Приводимое наименование *кажык хавы* не упомянуто в словарях тувинского языка. Однако указанное изафетное сочетание нашло отражение в материалах по этнографии тувинцев, например, «еще до рождения первого ребенка в семье собирали бараньи бабки в мешочек» [13, с. 226]. Кроме того, в современном тувинском языке наименование *кажык хавы* употребляется в бытовой речи тувинцев. Игра в бабки, кости является одной из народных игр тувинцев. Особенно в зимние вечера, в дни празднования национального праздника *Шагаа* – Нового года по восточному календарю, млад и стар охотно играли в кости *кажыктаар* ‘играть в бабки’ [28, с. 218].

Первым компонентом наименования мешка *кажык хавы* выступает слово *кажык* ‘лодыжка, щиколотка; бабка (надкопытный сустав)’; *кажы кадар* ‘играть в бабки’ [Там же], а также ‘таранная кость, астрагал, бабка’ [25, с. 57; 27, с. 35]. Данное слово употребляется в тюркских языках Сибири: алт. диал., шор. *кажык* ‘бабка ноги’; хак. диал. *казык* ‘лодыжка, бабка’; хак. *хазык*; алт. *кажык* ‘бабки’ [25, с. 57]. М. Ряснен предположил формы, как *кажык* ~ *казык* с семантикой ‘бабка’, реконструируя праформу **ка̄шук*, что недостаточно обоснованно, по мнению Б. И. Татаринцева, который считает, что отсылки к *ашук* ~ *ашк* в значениях ‘бабка; игра в бабки’ более допустимы [Там же, с. 58]. Э. В. Севортьян определяет, что *ашык* является производным словом, образовавшимся с помощью аффикса -(а)к от *аш-* в значениях ‘подниматься выше чего-л.; повышаться’ [21, с. 216-217]. Как отметил Б. И. Татаринцев, к *ашык* восходит и форма *кажык*, вероятнее всего, изначально появилась в тувинском языке. Переход *х-* > *к-*, например, в тоджинском диалекте тувинского языка слово *хашык* [30, с. 70] объясняется фарингализацией гласного [25, с. 58].

Дары хавы [дары хавы] букв. ‘пороха мешок’ – пороховница. По данным этнографических материалов М. Б. Кенин-Лопсана, *дары хавы* – мешок из выделанной шкуры барсука, предназначенный для хранения пороха [6, с. 216]. Указанный изафет не зафиксирован в словарях тувинского языка, однако, бытует в разговорной речи, особенно в речи охотников. В пороховницах охотники хранили порох точного объема для ружьевого выстрела [17, с. 26].

Первый компонент *дары* ‘порох / пороховой’ [26, с. 399; 28, с. 149]. Слово *дары* встречается в тюркских языках Сибири: ср. тоф. *дары* ‘порох’, хак. *тар* ‘порох’, алт. *ок-таары* ‘порох, охотничьи припасы’ [24, с. 101], в др.-тюрк. *daru* ‘лекарство, средство’ [5, с. 159]. В других тюркских языках варианты данного слова зафиксированы в форме *дары*, *дэри* (реже) в семантикой ‘порох; лекарство, снадобье (в виде порошка)’ в монгольских

языках существуют варианты: п.-монг., ойр. *dari*, монг. *дарь*, бур. *дари*, калм. *дэр*. В большинстве тюркских языков *дары* считают персидским заимствованием: перс. *dārī* ‘порошок, лекарство’, в свою очередь, относительно к этому Б. И. Татаринцев сомневался. В тувинском и тофаларском языках слово *дары*, возможно, является монгольским заимствованием [15, с. 170; 24, с. 102].

У рассматриваемой изафетной конструкции есть синонимичные слова, которые по сравнению с *дары хавы* являются словами ограниченного употребления: в основном встречаются в речи охотников – это *идээжи* и *чыгак*. Об этих мешках рассматриваем в отдельной статье.

Таакны хавы [та:кпы хавы] букв. ‘мешочек для табака’, т.е. ‘кисет’ [28, с. 401].

Указанный мешок тесно связан с традициями и культурой народа. Обычай *таакны солчуру* ‘обмен табаком’ был неотъемлемой частью приветствия у тувинцев: при встрече первым делом обменивались трубками, кисетом и вели размеренный разговор [6, с. 178]. По разъяснениям выдающегося этнографа М. Б. Кенин-Лопсана, бывают женский и мужской мешочки для табака *херээжен кижиниң таакны хавы* ‘кисет женщины’, *эр кижиниң таакны хавы* ‘кисет мужчины’ [Там же].

Первый компонент изафета *таакны* передает значение ‘табак // табачный’ [28, с. 401]. Данную лексему В. И. Рассадин считает монголизмом, ср. староп.-монг. *tamaki* ‘табак’ [15, с. 232], совр. монг. *там-хи(н)* ‘табак’ [3, с. 186]. Однако лексема *таакны* встречается и в других тюркских языках: см. алт. *тамкы*, хак. *тамгы*, *тамкы*, кирг. *тамеки* в значении ‘табак’ [14, с. 93; 15, с. 232; 29, с. 216].

У рассматриваемой изафетной конструкции *таакны хавы* есть синонимы ограниченного употребления – *чанчык* и *хөөрге*.

Эт хавы [эт хавы] ‘мешок вещи (предмета)’ – футляр, коробка, вместилище для хранения мужских хозяйственных инструментов. *Эт хавы* изготавливали путем плетения прутьев, обычно в форме коробки. Приводимое наименование зафиксировано в Овюрском говоре центрального диалекта [12, с. 303]. Первый компонент изафета *эд* является монголизмом со значениями ‘вещь; имущество; материал, ткань; товар’ [3, с. 398]. В тувинском языке слово *эт* передает значения ‘имущество; вещь (предмет) обихода’ [28, с. 620].

Акша хавы [аькша хавы] букв. ‘мешок для денег’, т.е. ‘бумажник; кошелек’ [26, с. 99-100; 28, с. 50], кошелек может быть кожаным или из плотной ткани. Данное название зафиксировано также в русско-тувинском словаре при переводе лексемы *кошелёк* ‘акша хавы’ [16, с. 226].

Первый компонент изафета *акша* встречается во многих тюркских языках в форме *а:кжа* ~ *акча* ~ *агжа* со значениями ‘деньги’, ‘монета’, ‘серебряная монета’, ‘финансы’ [21, с. 120]. Данное слово в форме *ақса* ‘монета, деньги’ зафиксировано в одном из енисейских памятников рунической письменности [5, с. 48]. Э. В. Севортыан рассматривает *ақжа* ~ *акча*... как субстантивированное прилагательное *а:қ-жа* ~ *ақ-ча* ‘беловатый’ с аффиксом – *жа* ~ *ча*, репрезентирующее неполноту признака в адъективе *а:қ* ~ *ақ* ‘белый’ > ‘серебряный’ [21, с. 120]. Констатируется что, слово *а:қжа* изначально означало серебряную («беловатую») монету. Но Б. И. Татаринцев, данное утверждение считает недостаточно подкрепленной [Там же, с. 84] и поддерживает этимологию Г. И. Рамстедта о том, что слово *ақса* стоит в уменьшительной форме и образовано от древнетюркского *ауи* ‘сокровище’ [23, с. 120].

4. Названия мешков, предназначенных для хранения предметов оберега.

Кежик хавы [кэжик хавы] букв. ‘счастья, блага мешок’. Изафет *кежик хавы* отсутствует в словарях тувинского языка, тем не менее, широко употребляется в разговорном тувинском языке и отражен в этнографических и культурологических трудах Л. П. Потапова [13], С. И. Вайнштейна [4], М. Б. Кенин-Лопсана [6; 7; 8, с. 24-35], О. О. Бартан [2] и других. *Кежик хавы* – мешочек, сшитый из разноцветных шелковых тканей, украшенный национальными орнаментами, в сакральном значении ‘приносящий счастье и благополучие в дом мешок’.

Первый компонент изафета, *кежик*, передает семантику ‘дар, благо; добро, достояние, богатство’ [25, с. 134; 28, с. 235], а также ‘дар; подарок; подношение; счастливая случайность, везение; счастье’ [27, с. 107].

Слово встречается в ареально близких тувинскому языку тюркских языках: в алтайском *кежик* ‘дарованный; дар, благодать’; в алтайском диалекте и в шорском языке *кэжик* ‘дар, благодать; блаженство, счастье, милость’. Б. И. Татаринцев тувинское слово *кежик* определил как монголизм: ср. п.-монг. *kešig* ‘милость, благоволение (неба); благословение; счастье, благополучие; удача’, монг. *хишиг*, *хэшиг* ‘счастье, благополучие’ [25, с. 134], а также *хишиг* со значениями ‘милостыня, пожертвование; счастье, благополучие’ [3, с. 81].

Хин хавы [хин хавы] ~ **хирин хавы** [хирин хавы] букв. ‘мешочек для пуповины’ – шелковый мешочек для хранения пуповины ребенка. Данное название не зафиксировано в словарях тувинского языка, оно встречается в этнографических трудах М. Б. Кенин-Лопсана [6; 7], С. И. Вайнштейна [4], Л. П. Потапова [13] и других. Например, как указано в «Очерках народного быта тувинцев» Л. П. Потапова, «пуповину у западных тувинцев зашивали в маленький мешочек из шелка и подвешивали к колыбели. В зависимости от пола новорожденного выбирали цвет шелковой материи для мешочка, в котором хранили пуповину» [13, с. 268].

Первый компонент изафета *хин* / *хиндик* ‘пупок; струя (кабарговая)’ [28, с. 477] встречается в тюркских языках в форме *ки:н/киндик* в значениях ‘пуп’, ‘центр’, ‘стержень’, ‘струя кабарги’ [31, с. 68-69]. У лексемы *кин* значение ‘пуп’ отмечено в тюркских языках Сибири: хак., тув., тоф. и як., а у *киндик* ‘пуп’ – во всех источниках [Там же]. Этимология лексемы *хин* неясна. Г. Рамстедт допускает связь *ки:н* с монгольскими *кйји*, *кйј* ‘пуп’; калмыцким *ки* ‘пуповина’ [Там же, с. 69]. В тувинском *хин* / *хиндик* наблюдается чередование начального к//х.

5. Названия мешков, предназначенных для хранения предметов шамана.

Хуваанак хавы [хува:нак хавы] букв. ‘мешок гадальных камешек’. Шаманизм является одной из ведущих религий тувинцев, где *хуваанак* является обязательным атрибутом, инвентарем шаманской практики.

Шаманы тюркоязычных народов Саяно-Алтая на 41 магических камешках *хуваанак* делают свое гадание, и они обычно хранятся в мешочке из ткани.

Первый компонент изафета *хуваанак* ‘камешки для гадания’ в тувинско-русском словаре отмечен как устаревший [28, с. 493], который в современном тувинском языке входит в состав общеупотребительных слов. Возможно, *хуваанак* – отглагольное название от монг. *хуваарь* со значениями ‘делить, распределять; делиться, разбивать; раздавать’ [3, с. 140]. Система шаманского гадания с помощью камушек *хуваанак* построена на основе деления их на ряды.

Таким образом, первыми компонентами наименований мешков со словом *хан* в тувинском языке выступают имена существительные, мотивированные названием предмета или продукта, для которого предназначен мешок, и уточняют предназначение отдельного мешка, например, *дус хавы* – мешок для соли, *дары хавы* – мешок для пороха, *шай хавы* – мешок для чая и т.п. Лексический материал работы показал, что зафиксированные наименования широко используются в тувинском языке, но вместе с тем, среди них есть названия, которые выходят из состава общеупотребительных слов, и это, прежде всего, связано с тем, что сами мешки заменяются более удобными, современными видами мешков.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
2. Барган О. О. Национальная посуда тувинцев // Башкы. № 1. 1995. С. 59-62.
3. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. Т. IV. 532 с.
4. Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы: историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1961. 217 с.
5. Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. Л.: Наука, 1969. 676 с.
6. Кенин-Лопсан М. Б. Традиционная культура тувинцев. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2006. 232 с.
7. Кенин-Лопсан М. Б. Тыва чаңчыл (Тувинская традиция). М.: Тройка, 1999. 352 с.
8. Кенин-Лопсан М. Б. Тыва чоннуң бурунгу ужурулары (Традиционная этика тувинцев). Кызыл: Новости Тувы, 1994. 192 с.
9. Куулар Е. М., Сувандин Н. Д. Тыва дылда иви ажыл-агыйының лексиказы (Лексика оленеводства в тувинском языке). Кызыл: РИО ТувГУ, 2014. 128 с.
10. Намзал Э. Х. Хлебосольная юрта. Кызыл: Новости Тувы, 1995. 152 с.
11. Ооржак А. Ч. Наименования пиал/чашек в тувинском языке // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, 2015. № 5 (54). С. 355-357.
12. Ооржак А. Ч., Кара-оол Л. С. О некоторых особенностях названий кухонной утвари и мешков в речи жителей Овюра // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, 2015. № 3 (52) С. 301-304.
13. Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 402 с.
14. Рассадин В. И. Тофаларско-русский словарь. Русско-тофаларский словарь. Иркутск, 1995. 295 с.
15. Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1971. 252 с.
16. Русско-тувинский словарь: 32 000 слов / под ред. Д. А. Монгуша. М.: Русский язык, 1980. 664 с.
17. Самбу И. У., Самбу М. Д. Тыва чоннуң бурунгу ажыл-агыйы, амыдыралы. Кызыл: ТувКИ, 2004. 80 с.
18. Сарыг-оол С. А. Ангыр-оолдун тоожузу (Повествование Ангыр-оола). Кызыл: ТувКИ, 2008. 438 с.
19. Сат Ш. Ч., Куулар Е. М. Тыва диалектология. Переизд. с доп-ми. Кызыл: РИО ТувГУ, 2013. 229 с.
20. Севортян Э. В. Этимологический словарь: общетюркские и межтюркские основы на буквы «В» и «Г», «Д». М., 1980. 396 с.
21. Севортян Э. В. Этимологический словарь: общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974. 768 с.
22. Старостин С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М.: Наука, 1991. 200 с.
23. Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. I. А-Б. 341 с.
24. Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2002. Т. II. Д-Й. 388 с.
25. Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2004. Т. III. К-Л. 440 с.
26. Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. I. А-Й. 599 с.
27. Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. Т. II. К-С. 798 с.
28. Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энц., 1968. 648 с.
29. Хакасско-русский словарь: около 14000 слов / сост. Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул. М.: Главиздат, 1953. 359 с.
30. Чадамба З. Б. Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл: ТувКИ, 1974. 136 с.
31. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К» (~«Г») и «Қ» (~«Ң»)~«К») М.: Языки русской культуры, 1997. Вып. 1. / отв. ред. Г. Ф. Благова. 368 с.

NOMINATIONS OF SACKS WITH THE WORD *XAN* IN THE TUVAN LANGUAGE

Oorzhak Aida Chailag-oolovna
Tuvan State University
oorzhak.aa@yandex.ru

The article analyzes the nominations of different sacks with the word *xan* [hap] ‘sack’ in the structure of izafat construction, which haven’t been the object of special study in the Tuvan language yet. The examples under consideration have been selected by the author from the dictionaries of the Tuvan language, or from the fiction texts, and have also been recorded during dialectological expeditions in the dialects and the patois of the Tuvan language. Nouns in the form of the unformed possessive case act as the first component in the nominations of sacks. The applicability of sacks is specified. This stratum of vocabulary is studied insufficiently in the Tuvan language and requires further research.

Key words and phrases: lexeme; fixed expression; postpositional attributive group (izafat); the Tuvan language; the nomination of sacks; semantics; dialect; general Turkic; loan words; Mongolism.